

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д67

Оформление серии *В. Щербакова*

Под редакцией *О. Рубис*

Донцова, Дарья Аркадьевна.
Д67 Три мешка хитростей ; Чудовище без красавицы / Дарья Донцова. — Москва : Эксмо, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-04-100201-5

Три мешка хитростей

Стоило мне, Виоле Таракановой, поговорить с незнакомой девушкой, как через несколько минут ее машина взлетела на воздух! Перед смертью Полина успела рассказать, что дома ее ждет парализованная сестра. Я, конечно же, помчалась к ним, но квартира оказалась пустой. Тут и раздался телефонный звонок. Неизвестный, явно спутав меня с Леоновой, сообщил, что Настя похищена, а в обмен на ее жизнь я должна вернуть то, что взяла...

Чудовище без красавицы

Меня зовут Виола Тараканова. Однажды я пришла на урок к своему ученику Никите. В доме царил разгром: отца Кита накануне арестовали за хранение наркотиков. Его мама, художница Лена, попросила меня спасти одно ее полотно, чтобы оно не попало в опись имущества. В мастерскую меня повел Кит, а когда мы вернулись, я нашла в спальне труп Лены!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Донцова Д.А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100201-5

- Три мешка хитростей

ГЛАВА 1

Каким должен быть идеальный муж? Ответ известен: слепоглухонемой капитан дальнего плавания. И хотя мой муж Олег великолепно слышит, прекрасно видит и вполне, когда захочет, бодро разговаривает, у него очень много общего с идеалом. Дома он практически не бывает, а если все же иногда заглядывает на огонек, то, быстро-быстро съев за один присест завтрак, обед и ужин, сонно моргает глазами и вяло бормочет:

— Ну, Вилка, теперь рассказывай, как у тебя дела?

После этих слов он словно сомнамбула бредет, пошатываясь, в спальню, рушится на кровать и проваливается в объятия Морфея. Далее его следует аккуратно раздеть и утащить куда подальше сотовый телефон и пейджер, потому что противный писк данных благ цивилизации моментально будит измученного супруга. Засылав ноющий звук, муж разом садится и совершенно бодро сообщает невидимому собеседнику:

— Куприн. Да, да, да...

Как правило, после этого он мгновенно одевается, хватая ключи от машины и, заглотив на пороге чашечку кофе, мигом испаряется. Иногда в нем все же просыпается совесть, и муженек, уже стоя у лифта, сообщает:

— Вилка — ты лучшая из жен, в воскресенье обязательно сходим в зоопарк.

Я киваю и смотрю с балкона, как его весьма потрепанная красная «девятка» рывком стартует с места. При этом великолепно знаю, что ни в какой зоопарк, кино или ресторан в очередные выходные дни мы не пойдем, потому что в воскресенье или субботу у него на работе опять что-нибудь приключится...

8 Мой муж, Олег Михайлович Куприн, работает в милиции, сидит в известном здании на Петровке, 38, в кабинетике размером со спичечный коробок. В комнатенке с трудом помещаются письменный стол, два стула и ужасающий допотопный сейф, выкрашенный бордовой краской. Этот железный ящик стоит очень неудобно, и, чтобы пролезть на рабочее место, Олегу приходится протискиваться в узенькое пространство, что с его объемистым брюшком не так-то просто. Мой супруг любит пиво, а из крепких напитков предпочитает коньяк, впрочем, принимает он горячительное в гомеопатических дозах. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что я, будучи в весьма зрелом возрасте, согласилась выйти за него замуж. Дело в том, что мой отец и мачеха были самозабвенными запойными алкоголиками, и связывать свою жизнь с человеком, который прикладывается к бутылке, я категорически не желала.

Долгие годы я, Виола, жила вместе со своей подругой Томочкой Поповой в крохотной двухкомнатной хрущобе. Судьба сложилась так, что никакого образования у меня нет. Хотя это не совсем так. То есть диплома о высшем образовании у меня нет, но немецкую спецшколу, как их называли в семидесятых годах, я окончила с золотой медалью. За десять лет обучения у меня просто не было ни одной четверки. После десятого класса я поступила в институт, но успела поучиться только на первом курсе. В автомобильной катастрофе погибли родители Томочки, воспитывавшие меня после смерти мачехи, пришлось идти на работу, причем не имея профессии, основную часть времени я проводила с тряпкой и шваброй. Потом одна из наших соседок, мать-одиночка Наташа, крайне необеспеченная женщина, зная, что я отлично владею немецким, предложила мне стать репетитором своего сына, отпетого двоечника Темы. Я отказывалась, как могла. Своих детей нет, и, честно говоря, не слишком люблю подростков. Но Наташка так долго и упорно упрашивала, предложила сто

рублей за урок, а заниматься было необходимо два раза в неделю. Быстренько умножив сто на два, а потом двести на четыре, я получила восемьсот рублей и тут же согласилась, сказав ей при этом:

— Извини, попробую в первый раз. Не обессудь.

Наташа радостно ответила:

— Ничего, ничего, не боги горшки обжигают.

Неожиданно дело пошло, да еще как пошло. Ученики теперь записываются в очередь. Трое, дети из более чем обеспеченных семей, платят по десять долларов за урок, остальные дают по сто рублей за час. Мне даже пришлось кое-кому отказать, потому что физически не могла охватить всех желающих. До сих пор удивляюсь, почему после моих занятий ребята начинают получать пятерки. Никаким методикам я не обучена. Но факт налицо: двоечник, попавший в мои руки, через год выходит на твердую четверку и лихо расправляется с любыми грамматическими упражнениями.

Мы с Томусей с трудом вылезли из нищеты и даже съездили отдохнуть на Азовское море. Но потом в нашей тихой и размеренной жизни двух старых дев случился фейерверк невероятных событий. Не буду их здесь пересказывать, скажу только, что Томочка вышла замуж за весьма преуспевающего бизнесмена Семена Андреевича Попова. Ей даже не пришлось менять девичью фамилию. В придачу к супругу она получила и дочку, тринадцатилетнюю Кристину. Есть у нас теперь собачка неизвестной породы по кличке Дюшка и кошка Клеопатра. Обоих мы нашли в мусорном бачке возле своей хрущобы. Киска оказалась не из стеснительных и через пару деньков родила сыночка: маленького рыженького котенка, который превратился сейчас в громадного, толстого, ленивого котяру. Мы пытались подобрать ему кличку, но ни одна как-то не приживалась, пока в один прекрасный момент Кристина не воскликнула:

— Чего мучиться? Его же все зовут Сыночек.

На том и порешили.

10 Я не зря употребляю все время местоимение «мы». Дело в том, что Семен купил для своей семьи, а ее членами он считает всех вышеперечисленных, в том числе и меня, две квартиры на одной лестничной клетке: четырехкомнатную и «двушку». Теоретически между ними существует дверь, но практически я заперла ее только один раз, когда заболела гриппом.

Через некоторое время я вышла замуж за Олега, и он переехал к нам. Получилась большая коммунальная квартира, но всем это нравится. Впрочем, Семен и Олег практически не бывают дома, а мы с Томочкой, прожив всю жизнь вместе, не представляем, как можно существовать раздельно. Впрочем, я тоже редко проводила время в кресле у телевизора. Но сейчас на дворе лето, дети разъехались кто куда, и я со спокойной совестью проводила время в праздности, занимаясь своим любимым делом — чтением детективов. В нашей новой квартире одна из стен целиком занята стеллажами с книгами Агаты Кристи, Нейо Марш, Джорджетт Хейер и, конечно, российских авторов, вернее авторш, потому что криминальные романы, выходящие из-под пера мужчин, мне не слишком нравятся: очень уж они кровавые, да к тому же изобилуют сексуальными сценами, читая которые я невольно краснею и оглядываюсь. Что поделаешь, моя юность прошла в пуританском Советском Союзе, и газету «СПИД-Инфо» могу листать только в гордом одиночестве, и, если кто-нибудь входит в комнату, я тут же бросаю ее за кровать, тогда как пристрастия к детективам совершенно не скрываю.

Моей любви к криминальной литературе в доме не разделяют. Олега раздражают неточности, которые невольно допускают авторши, плохо знакомые с милицескими буднями.

— Нет, — морщит он нос при виде яркого томика, — извини, это сказки.

Семен тоже весьма равнодушно пробегает мимо полок. Попову принадлежат несколько газет, пара журна-

лов и радиостанций, поэтому, оказавшись дома, он сразу орет: 11

— Нет, только ничего напечатанного на бумаге, дайте отдохнуть! Сжальтесь, уберите книги, скомкайте газеты и разрубите топором все говорящие приборы в доме!

Томочка берет в руки только любовные романы. Еще одна стена в нашей квартире забита этими «розовыми слюнями». Меня тошнит от них уже на второй странице, но подруга, затаив дыхание, следит за приключениями любовников. Однажды я не утерпела и, глядя, как она, уставившись в книгу, тащит ко рту вместо чашки с чаем бутылочку клея, сказала:

— Неужели так интересно?

Томуся подняла на меня отсутствующий взгляд, секунду непонимающе смотрела в мою сторону, потом с жаром воскликнула:

— Очень!

— И чего глаза портить, — фыркнула я, — сразу понятно, что Он на Ней женится. Как только тебе подобная дрянь может нравиться?!

Томочка вздохнула и, не отвечая ни слова, вновь устала в текст. Подруга на редкость интеллигентна и патологически незлобива, поругаться с ней просто невозможно. Я не помню, чтобы она сказала о ком-нибудь злое слово. Знакомые зовут ее «Бюро неотложных добрых дел», а их у нас наберется сотни три. Кстати, именно благодаря Томочкиной привычке лететь сломя голову всем на помощь я и осталась сегодня дома одна-одинешенька. Позавчера Кристина отправилась на дачу к своей ближайшей подруге Леночке Рыклиной, Семен с головой погружен в издательские проблемы, Олег, как всегда, искореняет преступность. Тамара же унеслась в квартиру этажом ниже, к Маше Родионовой. Она родила девочку и рыдала в телефон:

— Томочка, умоляю, приди! Она такая маленькая, я боюсь ее даже на руки взять!

Почему потерявшая всякий ум от стресса Родионова обратилась к Тамаре, у которой никогда не было груд-

12 ничков, понять трудно. Но Тома моментально подхватила и полетела.

— Чем ты ей поможешь? — попробовала я остудить пыл подруги.

— Ерунда, — отмахнулась та, — сейчас куплю в магазине пособие по уходу за новорожденными.

Клюнув меня в щеки, она выскочила к лифту, крикнув по дороге:

— Скажи Сене, что чистые рубашки в шкафу!

Я только вздохнула. Наши мужья еще те кадры: если не обнаружат на привычном месте нужной одежды, им в голову могут прийти нестандартные решения. Однажды Семен на моих глазах принялся распаковывать пакет.

— Новую рубашку купил? Красивая, — одобрила я, — только зачем тебе опять белая? Их в шкафу и так штук тридцать!

— Понимаешь, Вилка, — вздохнул Сеня, — они куда-то пропали.

— Как это? — удивилась я. — Вчера Тома гладила их весь вечер.

— Нету, — разводил руками приятель, — исчезли.

В полном недоумении я распахнула шкаф. Рубашек там действительно не было.

— Ой, — вскрикнула Тамара, — случайно повесила в свое отделение. Сеня, ну почему ты соседнюю дверку не открыл?

— Зачем? — удивился Семен.

— Ну поискал бы там свои рубашки...

— Да? — протянул Сеня. — Наверное, ты права, а я подумал, что их выкинули, и купил новые.

У Олега свои особенности. Не далее как позавчера Томуся обнаружила его на кухне, где он самозабвенно поедал отвратительный китайский суп из пластиковой упаковки.

— Дай сюда, — возмутилась Томочка, — зачем всякую дрянь в желудок засовываешь?

— Так больше ничего нет! — преспокойненько ответил Олег.

— Как это? — удивилась Тома. — Смотри, в холодильнике печенка со сметаной, картошка, грибной суп...

— Да? Но ведь это все греть надо, — протянул наш майор, — а лапшу залил кипятком, и готово!

— Ясно одно, — говорила мне вечером Томуся, — мужья погибнут без нас, как цветы в пустыне. Один будет все время покупать новую одежду, пока не разорится, а другой скончается в голодных муках возле набитого едой холодильника: дверцу-то еще открыть нужно!..

При этом и Сеня, и Олег весьма удачно занимаются своим делом, впрочем, по большому счету их ничего, кроме работы, не интересует. Таких ненормальных называют трудоголиками.

Оставшись одна, я пошаталась бесцельно по квартире. Следовало убрать комнаты, но было лень. И вообще, зачем гонять пыль с места на место? Какое-то крайне непродуктивное занятие: завтра она опять оседет на телевизоре и на полках... Ну зачем зря тратить силы? Тем более что Сеня и Олег все равно ничего не замечают, а тяга к порядку совершенно не является отличительной чертой моего характера. Лучше съезжу-ка я на Каретный Ряд. Там находится фирменный магазин одного из московских издательств, где меня, постоянного покупателя, встречают с распростертыми объятиями.

Лето в этом году выдалось дождливое. Натянув джинсы и футболочку, я прихватила зонтик и поехала в центр. Любимая торговая точка на этот раз порадовала сразу девятью новинками. Набив сумку доверху, я вышла из магазина и бездумно двинулась по улице по направлению к метро «Гверская». Вдруг из огромной темно-серой тучи, нависшей над городом, блеснула молния, раздался раскат грома, и на асфальт сначала упали тяжелые редкие капли, а затем обвалился тропический ливень. Взвизгнув, я влетела в небольшой продуктовый магазинчик и встала у витрины.

Внутри оказалось полно народу. Теперь, когда продуктами не торгует только ленивый, редко в каком

14 месте встретишь такое количество жаждущих сыра. Впрочем, было в этой толпе покупателей что-то странное. Вся она состояла сплошь из потных женщин с огромными красно-белыми баулами в руках. Две продавщицы, стараясь быстро и ловко обслужить клиентов, крутились, словно игрушечные зайчики, снабженные батарейкой «Энерджайзер». Я невольно вслушалась в их разговор с покупательницами и удивилась: очень уж странно они объяснялись.

— Теперь кофе, — пробормотала стоявшая у прилавка баба.

— Только 250 граммов в пластиковой коробочке.

— Хорошо, сахар.

— Один килограмм, только песок, рафинад не положен.

— Еще карамель.

— Два кило, обертки разверните и бросьте в урну; кстати, бульонные кубики тоже разденьте!

Я разинула рот. Но баба послушно отошла к окну и принялась освобождать «Гусиные лапки» от одежды. Во мне проснулся интерес. Зачем она производит эти дурацкие действия? Но следующая покупательница выполнила еще лучший номер. Получив блок «Золотой Явы», дама принялась потрошить красивые аккуратные пачки. Сигареты она укладывала в простой полиэтиленовый пакетик. Третья тетка самозабвенно вытряхивала спички из коробков, потом отодрала от крышек «чиркалки» и сунула их к деревянным палочкам с разноцветными головками. Тут уж я не утерпела и поинтересовалась у продавщицы, тоскующей в винном отделе:

— Это что, клиенты из психиатрической лечебницы, осуществившие массовый побег?

Но женщина даже не улыбнулась. Она поглядела на меня неумело подмазанными выпуклыми глазами и ответила:

— Не надо смеяться: от сумы и от тюрьмы не зарекаются. Видите вон тот желтый дом?

Я кивнула.

Я растерянно глянула в окно. Пару раз заходила к Олегу на работу. Собственно говоря, мы и познакомились с ним в его кабинете на Петровке. Но проходила я всегда через центральные ворота, на боковую улочку не заглядывала. Так вот оно что — там следственный изолятор. Конечно, должны же арестованные где-то находиться, и у многих из них есть родственники, переживающие за судьбу непутевых сыновей, мужей и внуков. Впрочем, небось там и женщин полно.

— Вот уж горе так горе, — не успокаивалась продавщица, — заведующая даже аптечку завела: кое-кому плохо бывает, сердце прихватит или давление подскочит. У нас в магазине люди пару раз в обморок падали. Вон, посмотрите на ту, второй час стоит, уж гляжу на нее, гляжу, боюсь, сейчас рухнет.

Я проследила взглядом за ее рукой и увидела в самом углу кафетерия, у высокого круглого стола девушку с лихорадочными красными пятнами на лице. Глаза незнакомки тоже покраснели, нос распух, время от времени она вытаскивала бумажный платок, промокала слезы, но они опять цепочкой бежали по щекам.

Острый укол жалости пронзил мне сердце. Кто у нее там? Муж? Брат? Отец?

— Ой, бедолага, — вздыхала продавщица, — небось денег совсем нет: пустой кофе выпила, а сахар не в стаканчик положила, а так сгрызла. Есть, наверное, хочет, а купить не на что. Может, из провинции приехала...

Внезапно я приняла решение и подошла к девушке.

— Простите, могу я вам чем-то помочь?